

Адвайта. Кто мы на самом деле

Обычно во время бесед Махараджа все терпеливо ждут, когда он начнет дискуссию. Иногда он начинал с разговора на определенную тему; а иногда некоторое время молча сидел с закрытыми глазами и затем что-то тихо бормотал, вероятно, размышляя вслух. Он мог сразу же спросить посетителей, есть ли у них какие-нибудь вопросы. Иногда, не очень часто, находился слушатель, который просто горел желанием задать конкретный вопрос по определенной проблеме. Махарадж, похоже нутром чувствует такого посетителя и глядя прямо на него, даже если тот сидит в последнем ряду, спрашивает, есть ли у него какие-нибудь вопросы.

Однажды утром, когда Махарадж спросил, есть ли у кого-нибудь вопросы, один из посетителей поднял руку и начал говорить. Он сказал: "Махарадж, я хочу задать вопрос, который настолько меня измучил, что я уже дошел до предела. Я прочел довольно много литературы по философии Адвайты, и ее основные постулаты оказали на меня очень глубокое впечатление. Различные мастера много раз говорили мне о том, что если я не откажусь от концепции своей обособленной сущности, я не смогу достичь освобождения. Я всем сердцем принимаю тот факт, что человек, верящий в концепцию дуальности – я и другие – находится в "рабстве". Но мне также говорят, что не может быть никакого "рабства" ни для кого, ибо каждый из нас всегда был свободен! Мне трудно понять это противоречивое положение. Я не могу "делать" что-либо, поскольку якобы никакой "сущности" нет. Как же мне тогда жить в этом мире? Пожалуйста, Махарадж, это не праздный, не академический вопрос. Меня это очень глубоко волнует, и эта проблема сводит меня с ума. Что же мы такое на самом деле?"

Махарадж, не отрывая взгляда, смотрел в глаза посетителя, которые к этому времени наполнились слезами. Затем он глубоко вздохнул и некоторое время сидел с закрытыми глазами, в состоянии, которое вселило в сердце человека, задавшего вопрос, глубокий покой. Когда Махарадж открыл глаза, он увидел, что посетитель сидит неподвижно, с закрытыми глазами. Через несколько мгновений посетитель также открыл глаза и увидел улыбающегося ему Махараджа.

"И о чем же вы думали эти несколько мгновений?" – спросил Махарадж. Ответ был таков: "Ни о чем". На это Махарадж сказал: "Вот такой ответ: "ни о чем". Когда вы сказали "ни о чем", что вы конкретно имели в виду? То, что концептуализация, которая постоянно происходит в сознании, на время прекратилась, как это бывает, когда вы находитесь в глубоком сне? Вам не приходит в голову, что виновником является сознание, источник всех концептуализаций? Что проблема создается и постигается в сознании, и что именно само это сознание пытается постичь свою собственную природу? И потому вам не приходит в голову, что для вас было бы практически невозможным концептуально понять, чем вы на самом деле являетесь?"

Давайте же продолжим. Вы использовали слова "на самом деле"; чем мы являемся на самом деле, то есть реально? Средний человек использовал бы слово "реальный" для

обозначения того, что воспринимаемо чувствами. Тело воспринимаемо чувствами, но будет ли тело "реально", на самом деле вами? Мы должны использовать слова правильно, несмотря на все их ограничения. Мы считаем "реальным" все, что воспринимаемо чувствами, и все же каждая вещь, которую можно себе представить и которая воспринимаема чувствами, должна пройти процесс интерпретации со стороны ума, прежде чем она будет познана. И то, что таким образом познается, является, со всей очевидностью, всего лишь видимым проявлением в сознании познающего. Если все, что воспринимаемо чувствами, является лишь видимостью, где же тогда реальность физической формы, которая кажется очень "реальной" и осязаемой?

Не вернуться ли нам – хотя бы концептуально – к тому состоянию, которое преобладало до возникновения этой физической формы, этого психосоматического механизма, даже до появления концепции этой формы? Если бы я попросил вас рассказать мне что-нибудь о вашем состоянии до того, как вы были зачаты в утробе матери, ваш ответ мог бы быть только таким: "Я не знаю". Это "я", которое не знает от этом состоянии (на самом деле это "я" вообще ничего не знало до появления сознания) – это то, чем мы являемся на самом деле – Абсолют, ноумен, безвременье, беспространственное, невоспринимаемое бытие; в то время как в относительном, феноменальном смысле мы конечны, связаны временем и воспринимаемы чувствами. Это то, чем мы кажемся как обособленные объекты.

Состояние непроявленности, ноумен – это состояние, в котором мы (строго говоря, следовало бы использовать не слово "мы", а слово "я") не знаем даже о своем бытии. Когда мы начинаем осознавать свое бытие, состояние единства перестает быть господствующим, поскольку дуальность является самой сутью сознания. Проявление того-что-мы-есть в виде феноменальных объектов влечет за собой процесс объективации, который всегда основан на разделении: субъект (то, что воспринимает или познает) – объект (то, что воспринимается или познается).

Интересный момент насчет этого процесса объективизации состоит в том, что он обязательно имеет место в сознании, которое является источником всей концептуализации и, следовательно, так называемые познающий-субъект и познаваемое-объект, оба являются объектами, феноменализованными в сознании в виде фигур сновидения. Но этот познающий-объект (который познает познаваемое-объект) принимает на себя роль субъекта как обособленной сущности ("я") и рассматривает познаваемый объект как нечто "другое". Таким образом посредством иллюзии, силы Майи, или как бы вы это еще не назвали, рождается концепция "индивидуума".

Как только происходит это отождествление с якобы обособленной сущностью, концепция дуальности расширяется, а обусловленность усиливается. Этот обособленный субъект-сущность принимает на себя роль арбитра, анализирующего и подвергающего критике различные объекты, и тогда возникает полная картина взаимосвязанных противоположностей (хорошее и плохое, большое и маленькое, далекое и близкое), создавая простор для осуждения и одобрения.

Субстратом всего создания этой феноменальной вселенной является, конечно, концепция пространства-времени. Пространство необходимо для объективизации, а время – для измерения этой протяженности в пространстве. Как бы объекты могли без пространства иметь форму, для того чтобы быть видимыми и как они могли бы восприниматься без времени (продолжительность видимого проявления)?"

"Ну как, – спросил Махарадж, – получили вы ответ на свой вопрос?"

Посетитель, который слушал его, как загипнотизированный, полностью поглощенный вниманием, внезапно осознал, что ему был задан вопрос. Он был настолько переполнен всем услышанным, что некоторое время не мог вымолвить ни слова, поскольку он, похоже, пребывал в чистом слушании, свободном от вводящих в заблуждение слов. Он был полностью сонастроен с Махараджем.

Махарадж продолжил: "Если вы действительно осознали то, что я сказал, вы можете точно ответить, как и где возникает так называемое рабство, связанность, и кому она причиняет страдания. Поймите это очень ясно. Проявление феноменов – это не что иное как процесс функционирования сознания, в котором нет никаких вопросов насчет индивидуального существа. Всё является объектами, фигурами в сновидении, функционирующими согласно своей роли. Наши страдания возникают только из-за принятия на себя ответственности в силу того, что мы считаем эти роли в сновидении собой и в процессе объективизации отождествляем то-что-мы-есть с элементом "познающий-субъект". Именно это иллюзорное и абсолютно ненужное отождествление вызывает "связанность" и приводит ко всем вытекающим отсюда страданиям иллюзорного индивидуума.

И еще раз: То-чем-мы-не-являемся есть лишь концепция, и эта концепция стремится обнаружить то, чем-мы-являемся. Обусловленность – неверное понимание – может быть устранено только посредством правильного понимания того, чем-мы-являемся и чем-мы-не-являемся. И тогда будет ясно, что и "рабство", и "индивидуум", который от этого рабства страдает, оба являются просто концепциями, а то-чем-мы-являемся, ноумен, может проявиться только как тотальность феноменальных объектов. И вы обретете покой – или, вернее, покой обретет сам себя – когда будет достигнуто осознание того, что то, что мы ищем, не может быть найдено по той простой причине, что то, что осуществляет поиск, и искомое – не отличны друг от друга!"

Посетитель продолжал молча сидеть со сложенными руками, закрыв глаза, из которых по щекам текли слезы. Он находился в состоянии экстатического безмолвия, более красноречивого, чем любые слова.